

ПАВЕЛ АНДРЕЕВИЧ ХОРОХОРИН

младший научный сотрудник, аспирант сектора языкознания Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
pavel.horohorin@yandex.ru

МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ КАРЕЛЬСКОЙ ОЙКОНИМИИ -L-ОВОГО ТИПА В ОФИЦИАЛЬНУЮ РУССКУЮ ТОПОСИСТЕМУ

А н н о т а ц и я . Ставится задача выявления способов интеграции карельской ойконимии -l-ового типа в официальное русское бытование на протяжении XVI–XX веков. Показано, что она играла исключительно важную роль в системе ливвиковских именовании поселений, при этом суффикс *-la* (*-lu*, *-l*) с локативной семантикой последовательно оформлял топоосновы, выраженные антропонимом. Источником материала для анализа интеграционных моделей послужила подготовленная в ИЯЛИ КарНЦ РАН рукопись словаря «Ливвиковские деревни от А до Ä: словарь названий населенных мест», включающего как современную, так и историческую ойконимию ареала проживания карелов-ливвиков на территории южной Карелии. В результате анализа выявлены две интеграционные стратегии: прямая адаптация и суффиксация. Установлено, что начиная с XVI века (на самом деле, видимо, и раньше, однако отсутствие ранних документов не позволяет утверждать однозначно) использовались три форманта *-ицы/-ичи* (*Kunil* → *Куневичи*), *-ская* (*Vanhimal* → *Вангиманская*) и *-ово/-ево* (*On'kul* → *Онково*). Модель прямой адаптации (*Riiškal* → *Ришкала*) появилась в документах в XVII веке и постепенно заняла лидирующую позицию. На основе предшествующих исследований констатируется, что смена приоритетов обусловлена изменением этноязыковой ситуации, вызванной мощной карелизацией в связи с притоком карельского населения из Приладожья. Этот вывод подтверждается и другим модернизационным процессом: модель *-ицы/-ичи* преобразуется в модель *-лицы/-личи* (*Куневичи* → *Кунилицы* из ливв. *Kuiniil*), то есть карельский формант не замещается русским, а осознается частью основы. В современной системе господствует прямая адаптация.

К л ю ч е в ы е с л о в а : карельская топонимия, ойконимы, интеграционные модели, формант, адаптация, официальная топонимия

Б л а г о д а р н о с т и . Выражаю благодарность своему научному руководителю Ирме Ивановне Муллонен за ценные советы и рекомендации, данные в процессе подготовки статьи.

Д л я ц и т и р о в а н и я : Хорохорин П. А. Модели интеграции карельской ойконимии -l-ового типа в официальную русскую топонимическую систему // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2024. Т. 46, № 5. С. 55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1058

ВВЕДЕНИЕ

Топонимия Карелии двуязычна. Двуязычность ее проявляется, с одной стороны, ареально: Карелия может быть условно поделена на прибалтийско-финский (карельский и вепсский) запад и русский восток. С другой стороны, двуязычность связана с двумя уровнями бытования географических названий: русским официальным и прибалтийско-финским неофициальным. Многовековая практика сосуществования двух языковых сред выработала целый ряд моделей интеграции карельской и вепсской топонимии

в русскую систему именовании. При этом народный опыт такой интеграции учитывался, конечно, хотя и не всегда, при создании официальных эквивалентов, которые начинают появляться в массовом порядке с конца XV века в документах писцового дела, включающих многие сотни ойконимов. В XVIII веке в связи с появлением первых карт на официальный уровень выходят и многочисленные гидронимы.

В статье анализируются интеграционные модели, которые использовались в разное время для адаптации к русскому бытованию карель-

ских ливвиковских ойконимов так называемой *-l*-овой модели, то есть оформленных суффиксом *-la* и его фонетическими вариантами.

Основным источником материала для исследования названий поселений территории расселения карелов-ливвиков послужила подготовленная в ИЯЛИ КарНЦ РАН рукопись словаря «Ливвиковские деревни от А до Ä: словарь названий населенных мест» (ЛД). Он включает помимо современных карельских ойконимов и их русских соответствий (всего названия более 700 поселений) также упоминания топонима в письменных источниках: писцовые и переписные книги XV–XVII веков, материалы ревизий XVIII–XIX веков, списки населенных мест XIX – начала XX века, а также исторические карты XVIII–XIX веков. В совокупности этот материал позволяет проследить, как происходило становление официальной ойконимической системы на территории южной Карелии.

ЛИВВИКОВСКИЕ ОЙКОНИМЫ *-L*-ОВОГО ТИПА

Топонимический суффикс *-la* относится к типичному топонимическому форманту, у которого есть свой ареал и своя функция. Формант обнаруживается в топонимических системах всех языков прибалтийско-финской группы. Ключевая особенность ойконимного форманта – локативная. Считается, что его первоначальная функция – именованья места жительства одного рода или семьи [14: 110]. На практике оно было равносильно однодворной деревне. По мере разрастания таких поселений название материнского дома становилось ойконимом – названием деревни [15: 92]. Сквозное правило карельской ойконимии *-l*-овой модели состоит в том, что формант в обязательном порядке присоединяется к основе, выраженной антропонимом, то есть личным именем, патронимом, прозвищем, фамилией. Приведем примеры календарных и некалендарных имен из олонецкой топонимии: дер. *Отчула*, карел. *Aččul*, от календарного имени *Ačču* < Аким; дер. *Ченжойла*, карел. *Čondžoilu*, от *čondžoi* ‘блоха’, в переносном значении ‘назойливый человек’ (ЛД).

Модель использовалась как в вепсских, так и в карельских ойконимах. В результате вероятного спада ее продуктивности в вепсской топонимии уже на раннем этапе общее количество вепсских ойконимов *-l*-овой модели в настоящее время невелико. Одним из первых письменных источников с вепсской моделью является «Приписка к Уставу Святослава» XIII века [6: 76].

Карельская модель, в свою очередь, зафиксирована в источниках позднее, в XV–XVI веках,

на территории Северного Приладожья. При этом она была представлена в местах с плодородной почвой, где активно развивалось земледелие [15: 91–92]. Земледельческая культура была характерна для речных долин Юго-Восточного Приладожья, в том числе территории современного Олонецкого района Карелии, где модель *-l*-овой топонимии чрезвычайно продуктивна. Кроме того, *-l*-овый формант соответствует гнездовому расселению¹.

На территории северной и центральной Карелии *l*-овая модель маркирует места, в которые осуществлялось «залповое» переселение карелов в период XVI–XVII веков [1: 8]. Иначе говоря, это центры, в которые направлялся основной поток переселенцев и откуда затем происходила вторичная миграция по территории. Именно в этих центрах, ставших административными, фиксируется самоназвание *karjalaizet* ‘карелы’, в то время как жители небольших поселений, возникавших в ходе внутренней миграции, называют себя лопарями. Анализ данного процесса с привлечением ойконимии с формантом *-la* позволил воссоздать маршрут переселения карельского населения на север Сегозерья из северо-западной части Приладожья [7: 24].

Если подходить формально, то в документах XVI – первой половины XVII века на территории олонецкой / ливвиковской Карелии нет ойконимов с формантом *-la*, уточним – нет материально, то есть о них можно говорить только гипотетически. Реально модель *-la* появляется в документах этой территории лишь к рубежу XVII–XVIII веков. В документах же более раннего времени использованы официальные русские именованья – приведенные к нормам русской ойконимической системы карельские ойконимы. Каковы были сами карельские оригиналы? Есть некоторые косвенные свидетельства, которые позволяют реконструировать в скрытом русской адаптацией официальном ойкониме карельскую *-l*-овую модель. Наиболее убедительными являются те ряды топонимов, которые выстраиваются на основе сквозного просмотра документов XVI–XX веков. Приведем три примера из окрестностей Олонца, демонстрирующих смену модели именованья. Первый – современная деревня *Артула* (ливв. *Artul*), название которой до середины XVII века фиксировалось с формантами *-evo/-eva*: *Верхнее Оптуево* (ПКЗП 1582²), *Артуева* (СП 1657³). Однако в дальнейшем произошла смена модели адаптации, и русское суффиксальное именованье меняется на транслитерированный карельский оригинал: на *Мегре-реке Артулы* (ПКЗВ 1667⁴), *Артула* (ПК 1707⁵, ПК 1726⁶), *Ар-*

тулы (ПГМ 1802⁷). Второй пример – это деревня, именуемая в источниках XX века деревней *Варилица* (ливв. *Varil*). В таком виде, то есть с концовкой *-ицы*, топоним начинает фиксироваться с XVII века, в XVI же веке он имел вид *Вариево* или *Вариева*. И третий – дер. *Рыпушкалицы*. Начиная с самых ранних документов XVI века фиксировалась модель *-ицы*: *Репушкиницы*, *Репушкиница*, *Рипушкиницы*, *Рипушкалицы*. Однако этот последовательный ряд нарушался изредка вторжением модели *-ла*: *Рипушкала* или *Рыпушкала* в XVIII и XIX веках (ЛД). Спрашивается, откуда и почему она появляется на разных этапах? Очевидно, это результат выхода на официальный уровень народных ливвиковских ойконимов, образованных по *-l*-овой модели. Ниже, в последнем разделе статьи, выявляются исторические причины такой трансформации.

ДВЕ ИНТЕГРАЦИОННЫЕ МОДЕЛИ ЛИВВИКОВСКОЙ ОЙКОНИМИИ

Интеграция ойконимов *-l*-ового типа в русское официальное бытование происходила, как свидетельствуют документы, двояким образом. В случае так называемой прямой адаптации прибалт.-фин. *-la* (*-l*, *-lu*) и соответствующие переднерядные варианты *-lä* (*-l'a*) и *-ly* сохранялись практически в неизменном виде, если не учитывать некоторой фонетической адаптации: дер. *Виллалы* (в источниках *Виллала*, *Вилойлы*, *Вилалы*), ливв. *Villal*; дер. *Гошкила* (*Гошкино*, *Гошкила*, *Гошкила*, *Гошкилы*, *Гошкалицы*, *Гошкилы*), ливв. *Hoškil*; дер. *Курчалы* (*Курчала*, *Курчалицы*), ливв. *Kurčal*. Данная модель, как уже было отмечено, не фигурирует в источниках вплоть до конца XVII века.

Второй алгоритм – это замена *-l*-ового форманта русским эквивалентом. Анализ источников показал, что таких эквивалентов – русских суффиксов с посессивной семантикой – было несколько и именно они применялись для интеграции карельской модели в наиболее ранних письменных источниках. Ниже будет показано, почему принцип прямой адаптации (*-ла*, *-ля*, *-лы*) начинает активно использоваться только на рубеже XVII–XVIII веков.

В этом контексте важно учитывать, что на прибалтийско-финском фоне со скупым набором топоформантов русская топонимия отличается значительной суффиксальностью. Известно, что в топонимии используются суффиксы, пришедшие из аппеллятивного функционирования. При этом часть из них со временем перешла исключительно в разряд топонимических и вышла из аппеллятивного бытования. Исследователи обращают внимание на ареальные

предпочтения отдельных формантов, за которыми может стоять на самом деле хронология. В свое время В. А. Никонов, к примеру, обратил внимание на довольно четкую ареальную границу между вариантами посессивных формантов *-ово/-ево* и *-ино*, с одной стороны, и *-овка/-евка*, *-инка*, с другой. Первые превалируют на российском северо-западе и формировались в границах Московского государства XVI века, в то время как вторые маркируют последующее освоение территории в южном направлении [12] или внутреннюю миграцию местного населения. Своего рода иллюстрацией миграционного пути населения он считал и формант *-иха* в Верхнем Поволжье [13]. На северо-востоке Карелии, в Поморье, суффикс представлен более чем в сотне топонимов, закрепившись и при основе прибалтийско-финского происхождения: Гуппоиха < Ниорро 'Фофан' (Кемь) и др. Считается, что он является здесь наглядным следом новгородской миграции [4: 190].

Далее рассмотрены суффиксальные модели, которые использовались на официальном уровне для интеграции ливвиковской ойконимии.

1. Модель *-ская* была исключительно активной на этапе составления писцовых книг XV–XVII веков, например, на Свири или в Заонежье (дер. *Есинская*, *Семеновская*, *Олексеевская*, *Мустоевская*, *Ректуновская* и др. на Падмозере), однако осталась практически незадействованной на Олонце. Здесь обнаруживаются лишь отдельные примеры, сосредоточенные в окрестностях г. Олонца. При этом в книге 1563 года их практически нет, в книге 1582 года появляется небольшое количество: *Вангиманская* – совр. Вангимала, *Кожинская* – Кожала, *Тергуевская* – Тергелицы, *Имницкая* – Имницицы, *Созулская* – Созойла, *Тепульская* – Теппула. Некоторые из перечисленных образований отразились позднее в документах начала – середины XVII века, однако традиция в целом не закрепились, и олонечские ойконимы на *-ская* перешли в модель *-ла* или *-ицы*.

2. Посессивный формант *-ово/-ево* с вариантами более продуктивен, однако его активность явно падает на протяжении веков. Образования с ним довольно многочисленны в писцовых книгах XVI века: *Большое Нирьево* – совр. Нюрала, *Старое Онково на Мегреге* – Онкулицы, *Патцково* – Пачкала, *Ризуево* – Рижула в Мегреге, *Вачеева* – Ватчелицы, *Шокуева* – Шококкойла, *Чегнуева* – Ченгилицы, *Байкова* – Вайкола в составе бывшей Рыпушкальской волости и др. (ЛД). Однако к началу XVIII века они оказываются вытеснены двумя моделями, ставшими к этому

времени главенствующими при интеграции карельской *-l*-овой ойконимии: прямая адаптация и формант *-ицы*. До современности доживают лишь единицы: *Тахтасова* – ливв. *Tahtahal*, *Путилово* – *Puutil*, *Токарево* – *Takkaril*.

На фоне образований на *-ово/-ево* ойконимы с другим продуктивным в русской топонимии посессивным формантом *-ино* полностью отсутствуют в современной официальной русской ойконимии ливвиковского ареала. Их практически нет и в документах прошлых веков, в которых отложилось буквально несколько названий: *Вонгино* – ливв. *Vongal*, *Петкино* (наряду с Петкуево) – *Rötköl*, *Пачкина* (наряду с *Патцково*) – *Račkal*, *Гошкино* – *Noškil* (ЛД). Здесь соблюдается общий для Карелии тренд с немногочисленностью образований на *-ин* в русскоязычных фамилиях карелов и соответственно на *-ино/-ина* в посессивной ойконимии (см. подробнее [11]).

Наиболее востребованной, особенно на раннем этапе интеграции прибалтийско-финской *-l*-овой ойконимии в районе Юго-Восточного Приладожья, была суффиксальная модель *-ицы/-ичи*. Поскольку ее анализ сопряжен в тексте с вопросом о территориальных и хронологических границах адаптационных моделей, а также причинах их смены, описание вынесено в отдельный раздел статьи.

Формант *-ицы/-ичи* в официальной ойконии ливвиковского Приладожья

Для удобства описания в тексте мы оперируем формантами *-ицы/-ичи* и даже только *-ицы*, в связи с севернорусским цоканьем, вытеснившим практически «чокающий» вариант. Однако в действительности это форманты *-овицы/-овичи* (*-евицы/-евичи*) и *-иницы/-иничи*, в составе которых объединяется два последовательно представленных посессивных суффикса: 1) *-ов/-ев* и *-ин* и 2) *-ицы/-ичи*.

Топонимический формант *-ицы/-ичи* (<*-itji) имеет праславянские истоки. Он широко распространен в топонимии на восточнославянских территориях. Считается, что он мог возникнуть во II–III вв. до н. э. и даже раньше при формировании родовых общин [5: 49]. Иначе говоря, первоначально это был патронимический показатель, использовавшийся для именованя рода, патронимии по его главе, родоначальнику. Однако со временем наименования социальных объединений были перенесены на ту территорию, которая была ими освоена и заселена. Результатом стало наличие большого количества ойконимов, происходящих от антропонимов. Наиболее продуктивным периодом этого форманта явля-

ется вторая половина I тыс. н. э. В Новгородской округе ойконимная модель была продуктивна вплоть до XV–XVI веков [2: 203–204].

Республика Карелия расположена на северо-западной окраине большого славянского ареала бытования ойконимии на *-ичи/-ицы* и не входит в число коренных территорий ее функционирования. Здесь выделяется два локальных анклава модели, расположенных по пути миграции от Ладоги до Присвирья и Обонежья [3]. Основной ареал тяготеет к р. Свири, при этом модель особо распространена в нижнем течении южного притока Свири р. Ояти [8: 86]. Из Присвирья модель распространилась на примыкающую к северу территорию бассейна р. Олонки, где наибольшая плотность ее достигается в окрестностях г. Олонца [9]. Олонецкий ареал в разреженном виде достигает на севере Сямозерья.

Второй локальный ареал реализован примерно в десятке ойконимов на Заонежском полуострове и севернее вдоль транзитного водно-волокового пути из Онежского озера в Белое море. Наконец, несколько топонимов на *-ицы* представлено в документах, привязанных к территории Водлозера в восточном Обонежье.

Основная особенность ойконимов с формантом *-ицы/-ичи* на обозначенных выше территориях состоит в том, что последний практически не присоединяется к русским антропонимическим основам. Названий типа *Трошевичи* или *Михалевицы* буквально единицы. Абсолютное большинство ойконимов этой модели, поддающихся этимологии, содержат в основе прибалтийско-финский антропоним. Это относится как к русскому Заонежью, так и к карельскому ареалу на р. Олонке. Еще примечательнее то обстоятельство, что карельскими и вепскими соответствиями русских по употреблению топонимов на *-ицы* последовательно выступают ойконимы так называемой *-l*-овой модели. Исследования, проведенные в свое время на вепском материале Приоятья, позволили утверждать, что русский ойконимный формант *-ицы/-ичи* используется сугубо для адаптации к русской системе именованя вепских названий поселений, оформленных *-l*-овым суффиксом: вепс. *Reboil* → рус. *Ребовичи*, вепс. *Karhil* → рус. *Каргиничи* и т. д. Это дало основание реконструировать соответствующие *-l*-овые оригиналы и для тех ойконимов с суффиксом *-ицы/-ичи*, которые зафиксированы только в русском бытовании, на бывших вепских территориях, и их вепские оригиналы давно (или не очень давно) утрачены [6: 88–89]. В дальнейшем эта закономерность была под-

тверждена и для ливвиковского Приладжья и Сямозерья, и для русских Заонежья и Пудожья.

Доказано [6], что использование алгоритма *-l* → *-ицы/-ичи* связано с аналогичной функцией древнерусского *-ицы/-ичи* и вепсского *-l*: образование ойконима от антропонимической основы: вепс. *Karhil* ‘место (жительства) Кархи’ → *Karhinichi* ‘деревня, в которой проживает Кархи’; ливв. *Valoil* ‘место (жительства) (рода, семьи) Valoi’ → *Валовичи, Törhöl* ‘место (жительства) Törhö’ → *Тергелицы*.

Помимо территориальных границ формант *-ичи/-ицы* в роли адаптера оригинальной *-l*-овой модели имел, как оказалось, и хронологические. Об этом свидетельствует ойконимия древнего Олонца и его окрестностей. Привлечение источников разного времени показало, что период второй половины XVII века и начала XVIII века отмечается переходом с ранее бытовавшей модели с формантом *-ицы/-ичи* на передачу ойконимов через воспроизведение карельского народного наименования при помощи прямой адаптации. Например, дер. *Кошкиницы* начинает передаваться как *Гошкила* (ливв. *Noškil*), дер. *Валовичи* преобразуется в *Валойла* (ливв. *Valoilu*) и т. д. [10]. Вероятно, в это время написание ойконимов на официальном уровне начинает опираться на народную карельскую традицию. Исторически период XVII века характеризуется миграцией на территорию Олонецкого погоста приладжских карелов, для которых модель *-la* была обычной, в то время как модель *-ицы/-ичи* незнакомой. Это приводит к постепенному отказу от последней и закреплению оригинальных карельских топонимов в русском бытовании на официальном уровне. Типичная модель интеграции, содержащая ойконимный показатель *-ицы/-ичи*, меняет курс на употребление в наименовании карельского варианта. В дальнейшем модель закрепляется в XVIII–XIX веках в ревизских сказках. За сменой модели стоит, таким образом, изменение этноязыковой ситуации, вызванное мощной карелизацией в связи с притоком карельского населения из Приладжья.

Период конца XVII – начала XVIII века ознаменован еще одной модернизацией в олонецкой ойконимии на *-ичи/-ицы*, закрепленной на официальном уровне. Если прежде карельский *-l*-овый формант замещался русским *-ичи/-ицы*, то те-

перь он остается в составе топонима, а русский формант наращивается к нему: дер. *Рыпушкиницы* становится дер. *Рыпушкалицы*, дер. *Куневичи* – дер. *Кунилицы*. Фактически русский суффикс оформляет исходный карельский топоним (*Riipuškäl* или *Kuunil* + *-ицы*).

Показательно, что такая модернизация произошла только на Олонецкой равнине и не затронула смежную территорию Приволжья или Заонежье. Совершенно очевидно, что и за этим процессом стоит мощный приток карельского населения из Северного Приладжья, переведший в другую плоскость взаимоотношения карельского и русского формантов: из замещения в соположение. В это время значительно усиливаются позиции *-l*-овой топонимии, формант начинает осознаваться как часть основы и становится обязательным атрибутом официальной русской ойконимии.

ВЫВОДЫ

Прибалтийско-финская ойконимная модель *-la* (антропоним + суффикс *-la*) представлена широким рядом примеров в ливвиковской Карелии. Для ее передачи на русский язык используются две стратегии: так называемая прямая адаптация (*Teroilu* → *Теройла*) и суффиксация. Анализ исторических источников показал, что в этой функции в разное время были востребованы три русских суффикса: *-ицы/-ичи* (*Нурмалицы, Таралицы, Воңилицы*) и значительно более редкие *-ово/-ево* (*Ойнасово – Oinahäl, Путилово – Puutilil*) и *-ская* (*Вангиманская – совр. Вангимала, Кожинская – Кожала*). Из них суффикс *-ская* уже в XVII веке вышел из бытования, уступив место двум предыдущим. Прямая адаптация становится актуальной лишь с XVII века, когда в Олонецкую округу приходят многочисленные карелы-переселенцы из Северного Приладжья, где ойконимы *-l*-ового типа были обычны. Это приводит не только к закреплению его в официальной практике, но и к тому, что многие из ойконимов перешли из более ранних суффиксальных адаптационных моделей в модель прямой адаптации. К XIX веку последняя становится основной. Современная ситуация складывается в целом к началу XX века. Более поздние изменения касаются в основном выхода топонимов из употребления в связи с утратой названных ими поселений.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Карлова О. Л. Суффикс *-la* в топонимии Карелии: Дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 225 с.

² Писцовая книга Заонежской половины Обонежской пятины 1582/83 г.: Заонежские погосты // История Карелии XVI–XVII вв. в документах / Asiakirjoja Karjalan Historiasta 1500- ja 1600-luvulta / Подгот. к печ., ред. И. А. Чернякова, К. Катаяла. Петрозаводск; Йоэнсуу: КарНЦ РАН: Ун-т Йоэнсуу, 1993. Т. III. С. 34–341.

³ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец. Д. 5. 1657 г. Солдатская перепись Ивана Дивова.

- ⁴ РГАДА. Ф. 137. Поместный приказ. Олонец, Д. 3. 1667 г. Переписная книга карел-зарубежных выходцев в Олонецком и Заонежских погостах Олонецкого уезда. 114 л. Подл.
- ⁵ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 8579. «707-го году. Книга переписная Алексея Федоровича Головина да Андрона Васильевича Апрелева за их руками. Всего 568 листов». 1707 г. 550 л. Подлинник.
- ⁶ РГАДА. Ф. 350. Ландратские книги и ревизские сказки. Оп. 2. 1719–1763 гг. Сказки и переписные книги I–III ревизий. Д. 2371. 1726 г. «Книга имянная Олонецкого уезда о душах мужеска полу в Высший Сенат погостом, которые приписаны к Олонецким Петровским и ко всем заводам». 683 л.
- ⁷ План Генерального Межевания Олонецкого уезда Олонецкой губернии 1802 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.etomesto.ru/map-kareliya_pgm-oloneckogo-uezda (дата обращения 24.09.2023).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Афанасьева А. А. Карельская ойконимия -l-ового типа в контексте историко-культурной истории Сямозерья // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2018. Т. 12, № 2. С. 6–18.
2. Васильев В. Л. Славянские топонимические древности Новгородской земли. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012. 816 с.
3. Захарова Е. В. О некоторых ойконимных моделях Восточного Обонежья // Вопросы ономастики. 2014. № 1 (16). С. 34–49.
4. Кузьмин Д. В. История освоения карельского Поморья (в свете языковых данных) // *Linguistica Uralica*. 2016. № 3. С. 179–194.
5. Купчинский О. А. Древнейшие славянские топонимические типы и некоторые вопросы расселения восточных славян // *Славянские древности: Этногенез, материальная культура Древней Руси*. Киев, 1980. С. 45–72.
6. Муллонен И. И. Очерки вепской топонимии. СПб.: Наука, 1994. 156 с.
7. Муллонен И. И. История Сегозерья в географических названиях // *Деревня Юккогуба и ее округа*. [Редкол.: В. П. Орфинский (отв. ред.) и др.]. Петрозаводск: Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2001. С. 13–35.
8. Муллонен И. И. Топонимия Заонежья: Словарь с историко-культурными комментариями. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2008. 242 с.
9. Муллонен И. И. Ойконимическая система южной Карелии в развитии // *Ежегодник финно-угорских исследований*. 2022. № 4. С. 567–577.
10. Муллонен И. И. Топонимический метод в исследовании этноязыковой ситуации в Олонецкой Карелии // *Сучасныя праблемы анамастыкі*. Минск, 2022. С. 214–219.
11. Муллонен И. И. Карельское антропонимное наследие в русском Заонежье // *Известия Уральского федерального университета*. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2023. Т. 25, № 4. С. 264–282.
12. Никонов В. А. География русских суффиксов // *Onomastica*, IX. Krakow, 1959. С. 26–48.
13. Никонов В. А. История освоения Среднего Поволжья по материалам топонимии // *Историческая география*. М., 1960. С. 172–194.
14. Nakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 527 s.
15. Nissilä V. Suomalaista nimistötutkimusta // *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimitteita*. 1962. Vol. 272. P. 91–92.

Поступила в редакцию 22.01.2024; принята к публикации 15.05.2024

Original article

Pavel A. Horohorin, Junior Researcher, Postgraduate Student, Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences (Petrozavodsk, Russian Federation)
pavel.horohorin@yandex.ru

MODELS OF INTEGRATING KARELIAN -L-TYPE OIKONYMY INTO THE OFFICIAL RUSSIAN TOPOSYSTEM

Abstract. The article aims to identify ways for integrating Karelian -l-type oikonymy into official usage in the Russian language during the XVI–XX centuries. It is shown that this oikonymy played an extremely important role in the naming system for Livvi-Karelian settlements, with the suffix *-la* (*-lu*, *-l*) with locative semantics consistently forming the topological bases expressed by the anthroponym. The source of the material for the analysis of integration models was the manuscript of the dictionary titled *Livvi-Karelian Villages from A to Ä: Dictionary of the Names of Populated Places* prepared at the Institute of Linguistics, Literature and History of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences, which includes both modern and historical oikonymy of the area of residence of Karelian Livviks in the territory of South Karelia. The analysis revealed two integration strategies: direct adaptation and suffixation. It has been established that since the XVI century (in fact, apparently before, but the lack of early documents does not allow us to state this unequivocally) three formants were used: *-itsy/-ichi* (*Kunil* → *Kunevichi*), *-skaya*

(*Vanhimal* → *Vangimanskaya*) and *-ovo/-evo* (*On'kul* → *Onkovo*). The model of direct adaptation (*Riiškal* → *Rishkala*) appeared in documents in the XVII century and gradually took a leading position. Based on the previous studies, it is stated that the change in priorities was caused by a change in the ethnolanguage situation caused by strong Karelianization due to the influx of Karelian population from the Ladoga region. This conclusion is confirmed by another modernization process: the *-itsy/-ichi* model is transformed into the *-litsy/-lichi* model, (*Kunevichi* → *Kunilitsy* from Livv. *Kuunil*), i. e. the Karelian formant is not replaced by the Russian one, but is recognized as part of the stem. Direct adaptation prevails in the modern system.

Key words: Karelian toponymy, oikonyms, integration models, formant, adaptation, official toponymy

Acknowledgements. The author expresses deep gratitude to his scientific supervisor Irma I. Mullonen for her valuable advice and recommendations given in the process of writing the article.

For citation: Horohorin, P. A. Models of integrating Karelian -l-type oikonymy into the official Russian toposystem. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2024;46(5):55–61. DOI: 10.15393/uchz.art.2024.1058

REFERENCES

1. Afanasyeva, A. A. Karelian oikonymy of the l-type in the context of the historical and cultural history of the Syamozero region. *Yearbook of Finno-Ugric studies*. Izhevsk, 2018. Vol. 12, No 2. P. 6–18. (In Russ.)
2. Vasilyev, V. L. Slavic toponymic antiquities of the Novgorod land. Moscow, 2012. 816 p. (In Russ.)
3. Zakharova, E. V. On some oikonymic models of the Eastern Lake Onega region. *Problems of Onomastics*. 2014;1(16):34–49. (In Russ.)
4. Kuzmin, D. V. On the historical settlement of the Karelian Littoral of the White Sea (based on linguistic data). *Linguistica Uralica*. 2016;3:179–194. (In Russ.)
5. Kupchinsky, O. A. Ancient Slavic toponymic types and some issues of settlement of the Eastern Slavs. *Slavic antiquities: Ethnogenesis, material culture of Ancient Russia*. Kiev, 1980. P. 45–72. (In Russ.)
6. Mullonen, I. I. Essays of Veps toponymy. St. Petersburg, 1994. 156 p. (In Russ.)
7. Mullonen, I. I. The history of the Segozero region in geographical names. *The village of Yukkoguba and its districts*. (V. P. Orfinsky, Ed.). Petrozavodsk, 2001. P. 13–35. (In Russ.)
8. Mullonen, I. I. Toponymy of Zaonezhye: Dictionary with historical and cultural comments. Petrozavodsk, 2008. 242 p. (In Russ.)
9. Mullonen, I. I. Oikonymic system of South Karelia in its development. *Yearbook of Finno-Ugric Studies*. 2022;4:567–577. (In Russ.)
10. Mullonen, I. I. Toponymic method in the study of the ethnolanguage situation in Olonets Karelia. *Modern problems of onomastics*. Minsk, 2022. P. 214–219. (In Russ.)
11. Mullonen, I. I. Karelian anthroponymic heritage in Russian Zaonezhye. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2: Gumanitarnye nauki*. 2023;25(4):264–282. (In Russ.)
12. Nikonov, V. A. Geography of Russian suffixes. *Onomastica*, IX. Krakow, 1959. P. 26–48. (In Russ.)
13. Nikonov, V. A. The history of the development of the Middle Volga region based on toponymy materials. *Historical geography*. Moscow, 1960. P. 172–194. (In Russ.)
14. Hakulinen, L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 527 s.
15. Nissilä, V. Suomalaista nimistö tutkimusta. *Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran Toimitteita*. 1962;272:91–92.

Received: 22 January 2024; accepted: 15 May 2024